

КНЯЗЬЯ ЦЕРКВИ И ГОЛОД.

Добровольно духовенство никогда не расстается со своими богатствами.

Давно было сказано, что церковь скорее простит отрицание девяти десятых своих верочений, чем нападение на одну десятую своих доходов.

Этого она никогда не простит.

Издравле жрецы всех господствующих церквей пресмыкались перед князьями мира сего и составляли вместе с ними единое воинство. Издревле они помогали эксплуататорскому меньшинству умирять эксплуатируемое большинство населения, издревле они были жандармами в рясах и находились в тесном союзе с жандармами в синих мундирах.

Тюрьмы, виселицы, распятия и расстрелы, производимые светскими жандармами, калечили и убивали тело угнетенных, восстанавливая на власть угнетателей. „Духовное оружие“ духовных жандармов калечило и убивало на всю жизнь самую душу эксплуатируемых, заставляя их смиренно сносить угнетение.

Издравле русская церковь становилась на ту сторону, где были сильные и богатые, если только эти сильные и богатые делились с нею доходами от угнетения. Московская церковь первая сделала приказником татарского хана. Помогая ему выколачивать дани с христианского населения, она выговаривала для себя разные привилегии и права, которые позволяли ей оставлять у себя крупную долю награбленного. Нет власти, которая не была бы от бога, и властью от христианского бога была также власть магометанина хана, пока она давала богатеть тем жрецам, которые называли себя христианами.

Засухи и потопы, голод и мор, пожары и войны, победы и поражения, убийства и грабежи,—все они умеют обращать на пользу себе. Благодарственное молебствие за удачу и урожай, моление о прекращении засухи или заразы, панихиды по скончавшимся и убитым, по умершим от голода, то, что они называют телом и кровью своего бога,—все они превратили в товар, в источник дохода.

Став между верующими и своим богом, они только за деньги допускают верующих до бога, и только за деньги открывают для душ умерших врата в его небесное царство, сотворенное ими. Они не знают прогрессивно-подоходных налогов: со всякого они дерут все, что только можно содрать, и чем беднее бедняк, чем больше несчастий обрушивается на него, чем сильнее давит его нищета, тем искуснее они заставляют его отдавать себе все, что еще у него остается.

Самую смертную казнь они превратили в источник дохода. Перед казнью поп с крестом появлялся в камере осужденного, и за то, что он это проделывал, он, как чиновник, получал жалованье двадцатого числа каждого месяца.

Если бы их бог опять сошел на землю и стал плетью выгонять торгашей из своих храмов, они предали бы его проклятию, отлучили бы его от своих таинств и объявили бы его дело сатанинским, за которое он подлежит огню геенскому в жизни будущей. Они сказали бы, что торговцы, уделяя копейку из награбленных тысяч на свечи, лампады, золото, серебро и камень, возвышают благолешие храмов и совершают дела, угодные богу. Они сказали бы, что, плетью изгоняя торговцев, он оскорбляет самого бога. Они, жандармы в рясах, пригласили бы на помощь себе жандармов в синих мундирах. И к нему, распятому за пропаганду против тогдашнего правительства богачей и за возбуждение классовой ненависти к богачам,—к нему, теперь вновь приобужденному за те же преступления к виселице или расстрелу, они пришли бы в тюрьму с изображением его самого, распятого на кресте. За это они, современные первосвященники Анны и Канафы, двадцатого числа каждого месяца получают мзду от современных Пилатов. И если бы еще Пилат стал колебаться и захотел несколько облегчить участь их бога, они, эти Анны и Канафы, были бы беспощадны: он, ведь, грозит расстроить их торговое дело.

Они умели молчать. Они молчали, когда развратник, пьяница, полусумасшедший сифилитик Иван Грозный в своей бешеной борьбе,—классовой борьбе того времени,—проливал реки крови, разрушал города, избивал тысячи не только мужчин и взрослых, но и женщин и даже детей. Они молчали, когда он безумствовал в храмах и кощунственно превращал богослужение в дикий шутовский балаган. А когда он задушил их главу, митрополита Филиппа, который стал против него и дворянства на боярскую сторону, они по-прежнему смиренно и раболепно молчали и скоро даже из этого убийства сумели извлечь капитал. Они объявили Филиппа святым, они создали его мощи, и золото новой рекой потекло к ним от верующих.

Из самых неистовств Ивана они извлекали для себя выгоду. Они кощунственно говорили, что не их сатана, а их бог послал на трон сумасшедшего, пьяницу, развратника и безумного сифилитика. Они говорили, что это—божья кара за грехи измученного и задавленного народа, за то, что он еще мало подчиняется этой дьявольской власти и мало чтит ее пособницу—церковь. И чем больше Иван мучил, пытал и проливал крови, тем больше земель и вкладов поступало в церкви и монастыри, тем больше от последнего своего достоинства приносилось задавленное и замученное крестьянство.

А когда умер этот величайший преступник, пьяница и развратник, убивший главу Московских попов, эти попы положили его труп в своем главном храме и служили по нем многие тысячи панихид. Они похоронили его в близком соседстве с Филиппом, задушенным по его приказанию. Они с одинаковой ловкостью извлекали доходы из праха убитого их царем Иваном Филиппа и из праха Ивана, убийцы их митрополита Филиппа. И многие десятки и сотни тысяч служб совершали они об Иване, умоляя бога допустить его в тот самый рай, где, по их уверениям, уже находился убитый Иваном Филипп. Одинаково чтит они убитого и убийцу, потому что и тот и другой умножили доходы церковей. И много и долго молились они за Ивана.

Только простецы, юродивые и блаженные, вышедшие из народных низов, иногда говорили правдивое слово против бесчеловечных неистовств. Косо смотрела на них церковь при их жизни, много их погибло в темницах. А если они умирали на воле, церковь и их прибирала к рукам: объявляла святыми, их заслуги перед народом превращала в свои, ставила им пышные храмы и, обирая бедных и нищих, превращала их слезы и кровь в золото, серебро и алмазы.

Попы умели не только молчать. Именем своего бога они благословляли власть помещиков, которые обменивали крепостных на собак, запарывали крестьян, насиловали женщин-крестьянок, заставляли их выкармливать щенок своей грудью. Для попов это была власть не от их дьявола, а от их бога, ибо она умножала их доходы.

Они сами были помещиками, которые владели тысячами и миллионами крепостных. Поэтому они предавали проклятию и Пугачева, и многих других, кто восставал против помещиков.

Они знали, что Александр первый участвовал в заговоре против своего отца Павла и, во всяком случае, не принял никаких мер против ведомых ему заговорщиков, хотя хорошо знал, что такие заговоры всегда приводят к убийству. Когда он через труп отца поднялся на трон, он возвел кое-кого из убийц на самые высшие должности и всех оставил безнаказанными. И этого царя-отцеубийцу церковь кощунственно назвала благословенным от бога. Жрецы всегда холопствовали перед царями, если цари оставляли и приумножали их доходы.

Смирными были князья церкви в то время, когда хитрый и пронырливый мужичонка Григорий Распутин кощунственно использовал имя их бога и стоял при дворе все таинства, которые они называют божественными. Они смиренно молчали, когда он использовал эти их таинства для того, чтобы осветить необузданный содомский и вавилонский разврат.

И они, фарисей, жадные вельможи церкви, не просто молчали, они холопствовали перед Распутным, они принимали в свою среду тех, кого он назначал первосвященниками, они рукополагали в епископы тех, кто потворствовал его сатанинскому надругательству над их верой и таинствами. Они, рабы и лакеи, извивались и ползали перед ним, потому что он был силой, и эта сила оставляла и приумножала их богатства.

Они заговорили только теперь, когда рабочие и крестьяне подняли свою руку на их земли, на их дворцы и на их награбленные богатства.

Они заговорили теперь, когда им сказали, что золотом, алмазами и жемчугом, которые сияют на их митрах и в храмах, можно спасти миллионы голодных.

Они сами понесли бы не только золото и серебро, но и медь, и железо, и свинец,—в особенности свинец и железо,—если бы таким способом можно было возвратить власть угнетателям.

И опять слезы и кровь, голод и муки миллионов крестьянства они превращали бы в золото и драгоценные камни своих митр, своих ризниц и храмов.

Они всегда были с богатыми. Они всегда были против тех, кого, соединившись с богатыми, держали в голоде и страданиях.